

**ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ.
МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

УДК 94(470.22)''16''+(470-21Сортавала)
DOI 10.26456/vthistory/2024.4.159–174

**Малый город в северо-западном Российском
приграничье: история изучения в контексте
теории фронта¹**

И.А. Чернякова

ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»,
г. Петрозаводск, Россия

Статья посвящена анализу актуального историографического эпизода в изучении одного из малых городов северо-западного Российского приграничья – Сортавалы – научной статьи финских исследователей Киммо Катаяла и Антти Хяркёнена, посвящённой изучению городского социума в период нахождения территории западной Карелии под властью шведской короны. Исследование вызывает особый интерес в контексте активно обсуждаемой в современной отечественной историографии теории фронта. Обращает внимание не только инновационное обнаружение в данном междисциплинарном исследовании социальной сегрегации в городском социуме конца XVII в., но более всего то, что Сортавала, будучи «крошечным городком на периферии» – в карельском Приладожье, определяется как «очень типичный город раннего модерна в Швеции XVII в.».

Ключевые слова: Карелия, Швеция, северо-западное российское приграничье, малый город, фронтальные исследования, дискуссионные проблемы современной историографии.

В контексте признаваемых современной научной общественностью остро актуальными фронтальных исследований, особенно значимых для приграничных территорий и межгосударственной периферии, заслуживает специального внимания и российско-финляндское приграничье, до настоящего времени с применением теории фронта не рассматривавшееся. Своевременной представляется задача изучения не только политико-административных, но и социально-демографических трансформаций имперских трансгра-

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ и ФВИ РК № 23-28-10260: «Европейский Север России как фронт освоения территории: этно-социальный ландшафт, границы, статистические и структурные изменения XIX–XX вв.». Статья подготовлена по итогам доклада на Всероссийской научной конференции «Торопец: 950 лет в исторической памяти» (Тверь, 17–20 октября 2024 г.).

ничных пространств, особенно с точки зрения обнаружения межконфессиональных идентичностей и локальных социальных иерархий в приграничном социуме, заведомо неоднородном и динамичном в силу нахождения на фронтире.

Хотя историческую репрезентацию Сортавалы принято начинать со шведского периода владения регионом (1598–1721), который занимает авторов анализируемой статьи², более ранняя история предшествующего поселения – центра древнего карельского погоста – безусловно заслуживает внимания в силу традиционного интереса к первому упоминанию в документальном историческом тексте.

Так, в окладной книге Водской пятины 1500 г. читаем: «...Погост Никольской Сердвольской. На погосте церковь Никола Велики, на погосте ж не тяглых: в[о дворе] (далее – в.) поп Исак, в. дьяк церковной Гридка, в. сторож церковной Оверкейко, в. проскурница Полагея; пашни у них церковные на четыре коробьи ржи, а в луки не положены»³. При всей дискуссионности и противоречивости концепции формирования раннего города⁴, учитывая, однако, многообразие форм предшествовавших ему поселений, два признака «предгорода» в этом лапидарном описании налицо: наличие ментального центра-притяжения для окрестного населения (церковь) и инаковость образа жизни обитателей погоста-поселения: церковных причетников. Понимая, что самообеспечение в те времена было неременной составляющей их повседневности: без засева четырех коробей ржи для получения зернового хлеба обойтись было никак невозможно, но «в тягло» (государственное налогообложение) церковная пашня положена не была и вразумляющая миссия священнослужителей (попа Исака и дьяка Гридки) безусловно формировала весьма знаковый культурно-ландшафтный потенциал погоста-места.

Тем не менее, начальную историю Сортавалы усматривают в эпохе шведского владычества не только в блогерском секторе интернета, где хотя бы присутствуют констатации типа: «карельские земли захватили шведы, многие коренные жители переехали в Олонецкую и Тверскую губернии... с 1627 по 1635 год погост покинуло 189 семей»⁵, но в новейшей академической историографии. В статье А.М. Пашкова находим утверждение о том, что старейшим городом на территории Республики Карелия является Сортавала, фактом основания которого явился «эдикт шведского короля Густава

² *Katajala K., Häpkönen A.* Urban Segregation in a Nordic Small Town in the Late-Seventeenth Century Residential Patterns in Sortavala at the Eastern Borderland of the Swedish Realm // *Journal of Urban History*. August, 2021. P. 1–19.

³ *Беляев И.Д.* (ред.) Переписная окладная книга Водской пятины Дмитрия Китаева и подьячего Никиты Семенова Губы Моклокова 7008 г. // *Временник императорского московского общества истории и древностей российских*. Т. XII. Москва, 1852. С. 143.

⁴ *Корчагин П.А., Мельничук А.Ф.* «Протогород»: а была ли проблема? // *Вестник Пермского ун-та. Серия: История*. 2003. Вып. 4. С. 55–64.

⁵ *Шикова Е.* История города Сортавала (Сердоболь) в Карелии // *Блог о самостоятельных путешествиях [Электронный ресурс]*. Электрон. дан. [Санкт-Петербург], 2021. URL: <https://trip-together.ru/sortavala-history/>. (5.11.2024).

II Адольфа, подписанный 17 июня 1632 г.⁶» Мало того, что ни словом не упомянуто предшествующее поселение – Сердовольский погост, один из карельских погостов в приграничном российском северо-западном Приладожье, так ещё и само утверждение не лишено противоречивости. Как пишет автор: «в силу ряда обстоятельств реальная работа по созданию города началась с 1643 г. [то есть, спустя более чем десять лет. – И. Ч.], когда было выбрано место для города и началось переселение туда сельских торговцев»⁷. Далее сообщается, что только в 1646 г. Сортавале был дарован королевой Кристиной городской устав с перечислением торговых льгот и что ещё спустя пять лет, в 1651 г., королева «даровала ... Сортавалу и окрестные земли», «которые были преобразованы в Сортавальское графство», возведённому в графский титул сыну фельдмаршала Йохана Банера – Густаву Адаму Банеру⁸. Почему хотя бы здесь автору не упомянуть о том, что это – земли древнего карельского погоста в составе одной из Новгородских пятин – приграничной Водской – испокон веков находившиеся на российской стороне (см. рис. 1).

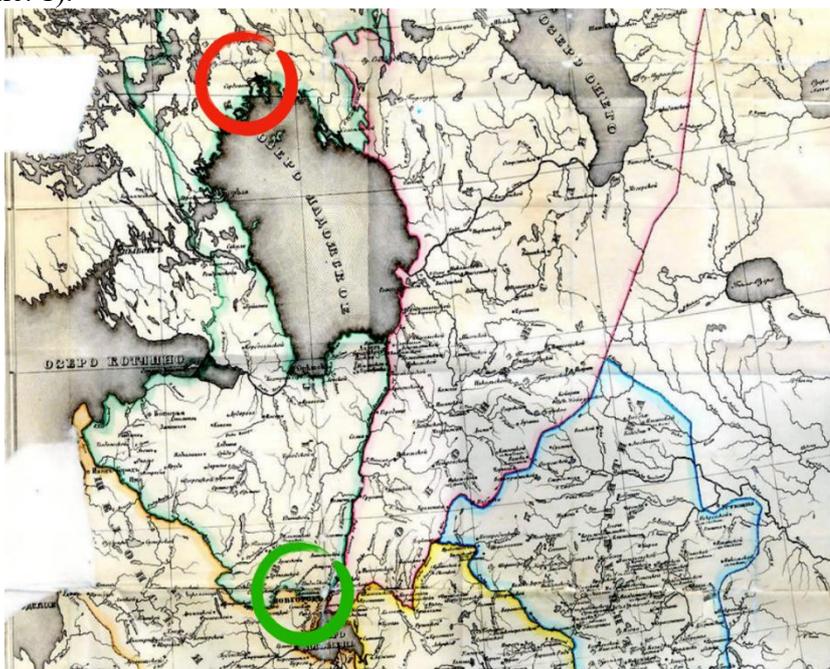

Рис. 1. Сердоволь и Новгород на фрагменте карты «Новгородские пятины в конце XV – начале XVI века» (сост. К.А. Неволин, 1853)⁹

⁶ Пашков А.М. Метаморфозы герба города Сортавала // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 4–5 апреля 2024 г.). Москва, 2024. С. 249.

⁷ Пашков А.М. Указ. соч. С. 249.

⁸ Там же. С. 249.

⁹ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV – начало XVI в. / рук. авт. кол-ва А.Л. Шапиро. Ленинград:, 1971 (вкладка).

Хотя изначальная принадлежность Сортавалы к землям Новгорода Великого (с 1478 г. – в составе Московского государства) не нуждается в доказательствах, приведём для полноты картины ещё одно, даже более раннее документальное упоминание центра древнего карельского погоста. В новгородско-шведском соглашении, заключённом в 1468 г. для подтверждения условий Ореховецкого мирного договора 1323 г., сказано о недопустимости нанесения шведами какого бы то ни было «вреда» поселению Сортвала¹⁰.

Невозможно не обратить внимания на данное «недоразумение по умолчанию» в контексте тематики конференции, посвящённой 950-летию Торопца, празднуемому в нынешнем 2024 г. несмотря на то, что самое раннее его упоминание под 1074 г., носит косвенный характер: «Исаакий – преподобный, затворник киево-печерский, был в мире богатым купцом, родом торопчанин, по имени Чернь»¹¹.

В исторических судьбах Торопецкого княжества, не однажды на протяжении XIII–XVII вв. оказывавшегося в центре территориальных притязаний властей предрержащих из ближайшего западного зарубежья: Литвы и Польши, и Сердвольского погоста, обитателям которого вместе со всем северо-западным Приладожьем довелось веками испытывать не менее яростный натиск со стороны Шведской короны, должно быть много общего. История обеих поселений уходит корнями в перипетии взаимоотношений соседних государств в зоне так называемого фронта, теоретическому осмыслению которого в последние десятилетия уделяется немалое внимание в отечественной историографии.

Уместным представляется небольшой историографический экскурс. Термин «фронт»», который обычно не слишком точно переводится на русский язык как «граница», в историографии связывают с именем Фредерика Джексона Тёрнера (1861–1932). Книга Ф.Д. Тёрнера «The Frontier in American History» (New York, 1962), будучи собранием его основных статей и выступлений с 1893 по 1918 г., спустя сто с небольшим лет увидела свет и на русском языке¹². Американскому историку воздают почести за создание оригинальной «теории фронта», которая позволяет объяснить как в результате растянувшегося на десятилетия активного продвижения первопроходцев в западные пределы американского континента сформировались не только особые социальные институты, отличающие США от Западной Европы, но выработался особый американский менталитет и сложилась собственно американская нация со всеми присущими ей позитивными и негативными чертами коллективного эгоцентризма.

Несмотря на критику, которой эта теория неоднократно подвергалась, о чём так или иначе всегда упоминают исследователи творческого наследия Тёрнера, идея о фронте как некой контактной зоне – месте проникновения

¹⁰ Пашков А.М. Сортавала // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. [Москва], 2015. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/5666865. (5.11.2024).

¹¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Москва, 1894. Т. XIII. С. 359.

¹² Тёрнер Ф.Д. Фронт в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М., 2009.

цивилизации в дикую природу, населённую опасными туземцами – с акцентом на прогрессивную миссию, которую выполняют переселенцы, продвигаясь из центра в периферийные окраинные регионы, оказалась чрезвычайно востребованной в современной отечественной науке и активно развивается на фактографическом материале имперской России. Со множеством уточнений, пояснений и обоснований в ряде научных статей доказывается применимость «теории фронта» к российской истории. Отметим тем не менее, что фронт связывают исключительно с историческими реалиями южных и восточных периферийных регионов: Северного Кавказа, Малой Азии, Дальнего Востока и Сибири¹³. Ещё более обращает внимание при анализе новейшей историографии, что предпочтение отдаётся скорее теоретическому переосмыслению методологических основ теории фронта, чем её дополнительному фактографическому наполнению¹⁴.

Приведём также уточняющее замечание К.А. Бостан и А.М. Кузнецова о том, что Тёрнер «стал первым идеологом фронта лишь в том смысле, что именно он наиболее обстоятельно представил эту идею (впервые в 1893 г.), обеспечив ей тем самым не только научное, но и общественное признание»¹⁵, тогда как эти вопросы уже обсуждались ранее французским политическим философом Алексисом де Токвилем (1805–1859), книга которого в переводе на русский язык увидела свет с предисловием Гарольда Дж. Ласки¹⁶. Путешествовавший по США в 1831 г. Токвиль стал очевидцем реальной жизни приграничных переселенцев. Посетив «передовую линию» американской цивилизации, – утверждают Бостан и Кузнецов, – Токвиль не обнаружил здесь каких-либо признаков цивилизаторской миссии переселенцев, ... увидел лишь их стремительное продвижение по индейским территориям... и жадное стремление к обогащению»¹⁷. Заслуга же его, – подчёркивает О. Ю. Казакова, размышляя над оставшимися более ста лет практически неизвестными современникам записками Токвиля, составленными в ходе самого путешествия и опубликованными в Париже в 1861 г. под названием «*Quinze jours dans le désert* [= Пятнадцать дней в пустыне]»¹⁸, – состоит в преодолении укоренившихся в тогдашнем общественном сознании «аргументов этнического пре-

¹³ Кателер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; Баева Л.В. Типология и проблемы изучения южнороссийского фронта // *Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7: Философия*. 2014. № 2(22). С. 32–38.

¹⁴ Басалаева И.А. Критерии «фронта»: к постановке проблемы // *Теория и практика общественного развития*. 2012. № 2. С. 46–49; Крупенкин Е.Н. Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // *Вестник Брянского государственного университета*. 2018. № 1. С. 87–93.

¹⁵ Бостан К.А., Кузнецов А.М. Идея «фронта»: выгодное приобретение или «опасный фантом»? // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2018. № 1(44). С. 74.

¹⁶ Токвиль де А. Демократия в Америке. Москва: Весь мир, 2000. 560 с.

¹⁷ Бостан К.А., Кузнецов А.М. Указ. соч. С. 74.

¹⁸ Цит. по: Казакова О.Ю. Фронт в интерпретации А. де Токвилем социокультурного развития США // *США. Канада. Экономика – политика – культура: ежемесячный научный и общественно-политический журнал*. 2010. № 1. С. 102.

восходства (англосаксонский дух, национальный характер, креативность, витальность американцев)»¹⁹. Французского аристократа до глубины души поразила «торопливая, жадная, своекорыстная деятельность» обитателей «движущегося пограничья»²⁰.

Особого упоминания заслуживает дискуссия²¹, организованная редакцией научного журнала Санкт-Петербургского университета «*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*» по опубликованной на его же страницах статье Д.В. Сеня²². Участники обсуждения, поочередно высказавшись насчёт того является ли концепция фронта убедительной сегодня, какие в ней есть сильные и слабые стороны; эффективна ли она для изучения всех стран или, будучи в каких-то полезной, в других не работает; почему идёт поиск альтернативных теории фронта теорий; перспективны ли компаративные исследования фронта, в которых сравнивается история фронта разных стран и, наконец, возможно ли применение концепции фронта к истории России, опирались на многочисленные высказывания и исследовательский опыт предшественников. Тем самым представлен убедительный анализ историографической практики применения фронтальной теории в наиболее заметных исследованиях наиболее авторитетных в данной области знания учёных.

Ознакомление со всеми высказанными идеями, безусловно, полезно и продуктивно, однако в свете задач, которые мы ставим в настоящей статье, представляется важным обозначить следующее: 1) понятие фронта отличается от понятия государственной границы прежде всего тем, что оно описывает переходную зону, которая, как правило, не интегрирована ни в одно из государственных образований и имеет динамический характер; 2) фронт как инструмент исторического анализа может быть рассмотрен с различных точек зрения: как географический (между разными климатическими и растительными зонами), как социальный (между разными жизненными укладами и системами ценностей), как военный (между разными военными объединениями), как религиозный или культурный (между разными верованиями и ментальными убеждениями); 3) хотя в историографии ситуация фронта традиционно описывалась как постоянная конфронтация и зачастую как своего рода миссия превосходящей оседлой христианской цивилизации, сегодняшнее внимание к фронту связано прежде всего с его опытом зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с разной спецификой. Важным представляется высказанное Ю.А. Мизисом мнение о необходимости выявления «основных маркеров превращения

¹⁹ Казакова О.Ю. Указ. соч. С. 94.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мильчев В.И. и др. Как сегодня изучать границы? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1(27). С. 81–105.

²² Sen 'D.V. Frontier research in present-day Russia: shaky boundaries of the academic dialogue // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1(27). С. 87–93.

фронтирной территории в традиционную территорию страны и конкретного исследования этих процессов»²³.

Локализация Сортавалы в годы шведского господства на захваченной территории Приладожской Карелии (1598–1721), не оставляет сомнений в её фронтирности в составе Шведского королевства периода раннего нового времени (см. рис. 2).

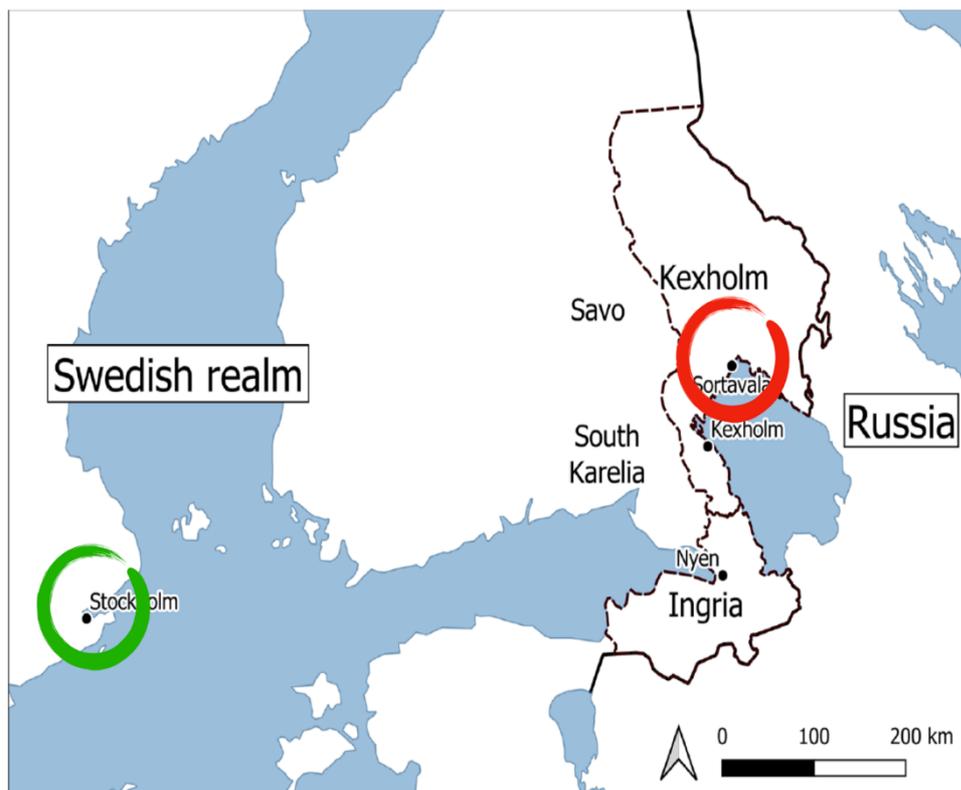

Рис. 2. Расположение Сортавалы на карте Шведского королевства²⁴

Напомню, что по Столбовскому договору, заключённому в 1617 г. между Швецией и Россией, провинции Ингрия и Кексгольм были уступлены шведской короне в тяжелейшей ситуации внешней интервенции и только-только преодоленной смуты междоусобия правительством всего четыре года назад избранного царя Михаила Романова (1596–1613–1645). В первой половине XVII в. здесь – на крайней восточной шведской периферии, фактически на российских землях, которые для финляндских исследователей Катаяла и Хяркёнена являются «новыми шведскими восточными провинциями» был учреждён город *Sordovalla* для развития торговли. Подчёркивается, что город имел местное значение, обеспечивая сбор крестьянской продукции, в основном смолы, для отправки через Ладожское озеро в город Ньен. Ньен и Стокгольм являлись самыми важными торговыми партнерами

²³ Басалаева И.А., Дубман Э.Л., Мильчев В.И. и др. Указ. соч. С. 96.

²⁴ Katajala K., Härkönen A. Op. cit. P. 4.

для местных торговцев. Ньен – он тоже присутствует на карте-схеме (рис. 2) – заслуживает попутного упоминания как малый город, основанный в 1642 г. в дельте реки Невы. Будучи подвергнутым тотальному разрушению в самом начале Северной войны (1700–1721), Ньен возродится уже как другой город – Санкт-Петербург Петра Великого.

Забегая вперёд, отметим, что Катаяла и Хяркёнен как на приведённой карте-схеме, так и в тексте статьи именуют предмет своего изучения его современным названием Сортавала, в то время как под властью шведов в период раннего нового времени, во временных рамках которого предпринято исследование, город именовался иначе – *Sordovalla*. Об этом свидетельствуют не только документальные источники, прежде всего, конечно, налоговые списки, но и датированный самым концом XVII в. подробный план города Эрика Белинга 1697 г. (см. рис. 3).

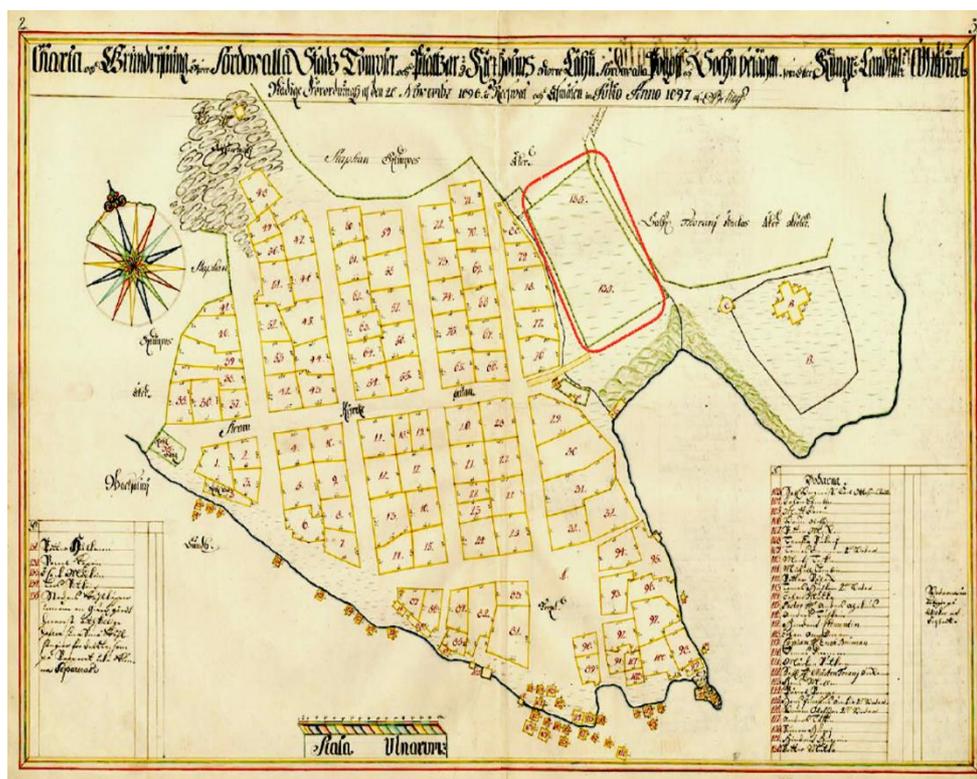

Рис. 3. План города *Sordovalla* Эрика Белинга (Шведский национальный архив)²⁵

План Эрика Белинга явился одним из важнейших источников в анализируемом исследовании. Авторы задались целью проверить справедливость утверждения, что в до-современных городских сообществах имела место очевидная сегрегация: «богатые жили вблизи административного и экономического центра (центров), а бедные были оттеснены к границам города»²⁶.

²⁵ Katajala K., Härkönen A. Op. cit. P. 5.

²⁶ Ibid. P. 4.

Катаяла и Хяркёнен опираются на убедительную научно-исследовательскую традицию изучения истории Сортавалы, далеко не в каждом случае соглашаясь с заключениями предшественников. Так, по их мнению, план Белинга позволяет оспорить ранее установленные Отто Меурманом (*Otto-I Meurman*) и Мартти Йаатиненом (*Martti I. Jaatinen*) размеры города в 11 гектаров. Проведённые с учётом масштаба плана вычисления привели к утверждению, что Сортавала занимала небольшую территорию: с севера на юг длина внутри городской таможенной ограды была ок. 280 метров, а ширина ок. 300 метров. Общая площадь городского пространства составляла примерно от пяти до шести гектаров²⁷.

На карте Белинга присутствует только одна улица с названием Большая Церковная. Составляя в длину 230 метров, она делила город по горизонтали. Четыре улицы, пересекавшие Церковную улицу в направлении север-юг, не имеют названий. В небольшом населённом пункте присвоение названий всем улицам было, возможно, излишним. В городе выделялись верхняя часть (пять кварталов), внутренняя часть (пять кварталов) и нижняя – прибрежная – часть (три квартала). Внутри кварталов участки были разграничены и пронумерованы от 1 до 102. В заданной сетке городского пространства они имели примерно квадратную форму со стороной около 22–23 м. Таким образом, площадь участков, занимавших внутреннюю часть города, составляла около 540 кв. метров, а внешнюю часть – около 470 кв. м. Авторы не сомневаются вслед за Мартти Йаатиненом: «участки в Сортавале были очень схожих размеров с участками в других финских городах XVII века»²⁸.

У города не было стен или других укреплений, но он был отделён от сельской местности таможенным забором. Кварталы и участки возле забора и берега были очень асимметричными, и размеры участков сильно варьировались. Постройки на участках представляли собой простые одноэтажные дома из дерева с навесами для скота во дворах. Зернохранилища (*granaries*) и амбары (*storehouses*) городских обитателей располагались на берегу и пронумерованы в легенде карты от 103 до 134. Почти прямоугольный большой участок под дважды проставленным номером 135 – место для огородов (*gardens*) – [обведено мной – И. Ч. – прямоугольником красного цвета]. С юга город был ограничен Ладожским озером, на севере и западе располагались поля. На востоке городское пространство граничило с огородами, ручьем и церковным двором. На северо-западе крайние участки находились у скалистого холма Кисамьяки (швед. *Leekberget*, буквальный перевод: «Игровая горка»).

Население Сортавалы в ранний период обычно оценивается примерно в 600 человек. Эта оценка основана на количестве участков (102) и предположении, что среднее количество людей, проживавших в каждом доме (на каждом участке), как установлено в исследованиях Ууно Карттунена (*Uuno Karttunen*, 1932), Ерки Кууйо, Йормы Тианена и Евы Карттунен (*Erkki*

²⁷ Katajala K., Häpkönen A. Op. cit. P. 3.

²⁸ Ibid. P. 5.

Kuujo, Jorma Tiainen, Eeva Karttunen, 1970), составляло около шести человек. Однако, – подчёркивают авторы статьи, – большой исследовательский проект по шведским городам раннего нового времени Свена Лилья (*Sven Lilja*, 2011), показал, что хотя размеры семьи варьировались в широких пределах, «подходящей численностью является» от 3,5 до 4,5²⁹.

В налоговом списке Сортавалы 1685 г. перечислены 103 мещанина, а также семнадцать имен безземельных (бобылей), проживавших в городе и зарабатывавших на жизнь различной работой. Дворяне, среди которых авторы обобщённо числят государственных служащих, школьных учителей и духовенство, отсутствуют в списках налогоплательщиков. В перечне владельцев участков на плане Белинга 1697 г. названы девять имён. Кроме них, в протоколах городского совета упоминаются ещё несколько ремесленников, таких как портной, сапожник и кузнец, которые жили в тех же домах, что и мещане, но в камеральных источниках они не упоминаются. Исходя из этих предпосылок, авторы предположили, что количество домохозяйств в городе Сортавала составляло не менее 140³⁰. Использование коэффициента 4,5 в качестве средней численности членов домохозяйства даёт почти тот же результат – 630 жителей, что и у предыдущих исследователей, предполагавших больший средний размер семьи, но меньшее количество семей. Поэтому авторами принята цифра в 600 человек как общее число обитателей города в конце XVII века. Катаяла и Хяркёнен не сомневаются: «хотя Сортавала была крошечным городком на периферии, для своего размера она была очень типичным городом раннего нового времени в Швеции XVII века»³¹.

Отметив, что в городе не было средневековых сооружений, например, старого центра, что повлияло бы на процесс сегрегации, авторы приходят к выводу, что после войны середины 1650-х гг., когда православное население покинуло город вместе с отступившими из западного Приладжья русскими войсками, городское пространство Сортавалы, где селились мещане и государственные служащие (*civil servants*), было практически пустым³².

Исследователи изучили данные о налогах, выплачиваемых обитателями Сортавалы. В их распоряжении оказались налоговые ведомости, составленные в 1681, 1682, 1683 и 1685 гг. Благодаря тому, что на плане Белинга размещён список имён 102 домовладельцев и упоминаниям профессиональных занятий большинства местных обитателей, авторам удалось распределить участки горожан по квартилям богатства. Особо отмечено, что один участок не был застроен и пустовал, поэтому в перечне оказалось только 101 имя³³. Размер уплачиваемого налога основывался на ежегодной оценке имущества и объёмах торговли.

²⁹ Katajala K., Härkönen A. Op. cit. P. 4.

³⁰ Ibidem.

³¹ Ibidem.

³² Ibid. P. 5.

³³ Ibid. P. 10.

Авторы статьи подчёркивают, что мэры, гражданские служащие, школьные учителя и духовенство были исключены из оценки налоговыми инспекторами. Не располагая по этой причине информацией о благосостоянии данной социальной страты горожан, они утверждают, что не только богатство могло повлиять на место поселения человека в городе: социальный статус также был важным фактором. Например, школьный учитель имел относительно высокий социальный статус в местном обществе, но по сравнению с богатыми мещанами он был, конечно, беден³⁴.

Сложность работы с изученными авторами налоговыми ведомостями заключается в том, что они были составлены за 12–16 лет до того, как Белинг составил план и снабдил его перечнем владельцев участков. Поэтому авторы опираются на данные о богатстве всего тридцати восьми горожан, владевших 41 участком из 101-го упомянутого на карте Белинга.

Дополнительными источниками для исследования социального состава обитателей города с целью выяснить имела ли место сегрегация, явились протоколы городского совета, которые сохранились как почти непрерывная серия документов, отложившихся в архиве за 33 года между 1673 и 1706 гг.³⁵

Опустив подробнейшие наблюдения авторов статьи, буквально помименно назвавших городских обывателей, кто хоть как-то оказался упомянут в проанализированных ими архивных документах и на плане Белинга, ограничимся общей картиной социальной стратификации, убедительно представленной на схеме (см. рис. 4). В её основе тот же бесценный картографический документ 1697 г.

В дополнение к имеющимся на рис. 4 пояснениям приведём ещё некоторые:

1. На первой позиции наклонной штриховкой показаны участки членов городского совета, которые выбирались из состоятельных мещан (см. добавленные мной стрелки). В Сортавале было обычно пять или шесть советников одновременно. Членство в совете являлось пожизненным обозначением высокого социального статуса в местном городском сообществе.

2. Вторую позицию по значимости занимали так называемые дворяне (имеются в виду не титулованные дворяне – джентри). Очевидно, что не все дворяне жили рядом с рыночной площадью (см. кружки жёлтого цвета). Другим местом, которое, по-видимому, было приемлемым для размещения домов мелких дворян, был четвёртый квартал в верхней части городской планировки.

3. Отдельной чётко локализованной группой предстаёт городское меньшинство – православные карелы, чьё благосостояние осталось неизвестным (их проживание на самой окраине городского пространства обведено мной кружком голубого цвета); в то же время богатые карелы проживали в престижных частях города (см. отмеченные точками усадьбы в 14-м и 4-м кварталах).

³⁴ *Katajala K., Häpkönen A.* Op. cit. P. 7.

³⁵ *Ibidem.*

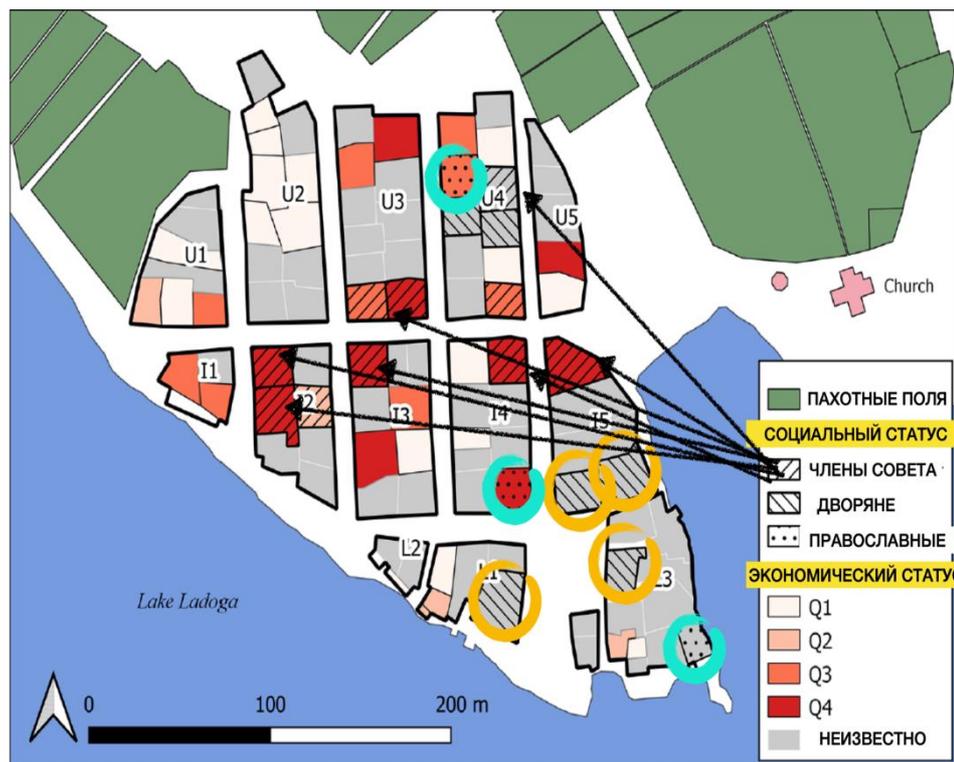

Рис. 4. Пространственная сегрегация дворянства и бюргерства в соответствии с квантилями богатства³⁶

4. Остаётся обратить внимание на показанные квантили богатства. Тёмно-красным цветом обозначены владельцы усадеб, платившие самый высокий налог – больше 20 талеров, более светлым цветом – те, чьи доходы облагались налогом от 10 до 20 талеров. Второй квантиль – оранжевый цвет – налог от 5 до 10 талеров. И наконец, с оставленных не покрашенными домохозяйств горожан на плане, собирались налоги до 5 талеров.

5. NB Расстояния измерялись от центроидов [центроид – это среднее арифметическое точек многоугольника. Неформально его можно определить как точку, в которой картонная вырезка фигуры может быть уравновешена на булавке (перевод пояснения на русский язык. – И. Ч.)]³⁷ участков и рассчитывались с помощью скрипта *Python Seaborn*, включающего в себя библиотеки визуализации *GeoPandas* и *Shapely*; распределения расстояний до центральных точек показаны с помощью диаграммы бокса и вискера (*a box-and whisker plot*).

Вывод авторов анализируемой статьи, основанный на самых современных методах анализа старого картографического произведения в сопоставлении со сведениями из архивных документов налогового характера,

³⁶ Katajala K., Häpkönen A. Op. cit. P. 11

³⁷ Цит. по: Katajala K., Häpkönen A. Op. cit. P. 12.

гласит, что привилегированные лица чаще всего располагали усадьбы в престижном месте – вокруг городской площади. В то же время самые состоятельные горожане, принадлежавшие к четвертому и третьему квартилям богатства, владели участками вблизи Большой Церковной улицы. Акцентированное заключение Катаяла и Харкёнена: городское пространство малых европейских городов в период раннего нового времени было схожим как в ядре, так и на периферии протестантской Европы³⁸.

Подводя итог, вернёмся к приведённым выше суждениям, которые наиболее часто цитируются исследователями, применяющими методологический инструментарий теории фронта, или рефлексивными в обозначенном дискурсе.

Трудно не согласиться с Майклом Ходарковским, одним из участников дискуссии по статье Д. В. Сеня, в том, что «фронт ... слово несколько неуклюжее в русском языке»³⁹. Предпочтительным представляется слово «пограничье», которое соответствует английскому *borderland*. Кстати, как точно подмечено Ходарковским, английский язык – «чётко различает *borders* (границы), *borderland* (пограничье) и *frontier* (фронт, открытые границы)⁴⁰». К этому рассуждению примыкает наблюдение Андреаса Каппелера, сформулированное с отсылкой на исследования как самого Фредерика Тёрнера (*Frederick Jackson Turner*, 1962), так и его последователей Оуэна Латтимора (*Owen Lattimore*, 1955), Джона Прескотта (*John Robert Victor Prescott*, 1965), Уильяма Сэвиджа и Стивена Томпсона (*William W. Savage Jr., Stephen I. Thompson*, 1979) о том, что «понятие фронта ... отличается от понятия государственной границы прежде всего тем, что оно описывает переходную зону». Обращает внимание мнение Каппелера об этой зоне как о пространстве, которое «не интегрировано ни в одно из государственных образований и имеет динамический характер»⁴¹.

Исходя из последнего утверждения, теория фронта даже со всеми современными модификациями вряд ли применима к историческим обстоятельствам северо-западного Российского приграничья периода раннего нового времени. В то же время стоит подчеркнуть: фронт не возникает как однонаправленное действие: это всегда зона взаимодействия. Кажется, классическая теория фронта как раз на этом не стремилась акцентировать внимание. Даже для Токвиля, первым из «теоретиков-основателей» обратившего внимание на сомнительность цивилизаторской миссии первопроходцев-завоевателей американского запада, зона фронта – пустыня, нуждающаяся как минимум в благоустройстве, а как максимум в полном переустройстве. Безусловно, исходить следует из того, что фронт как таковой, существовал всегда и вне всякого сомнения, продолжает воспроизводиться: как географический и со-

³⁸ *Katajala K., Härkönen A.* Op. cit. P. 14.

³⁹ *Басалаева И. А., Дубман Э. Л., Мильчев В. И. и др.* Указ. соч. С. 92.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Каппелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *AbImperio*. 2003/1. С. 48.

циальный, как военный и религиозный, и даже как культурный. В данном контексте важно подчеркнуть, что сегодняшнее внимание к фронтиру связано прежде всего с его опытом зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с разной спецификой. Однако даже отдавая себе отчёт относительно высоких достижений зарубежной историографии в исследовании истории малого карельского города в северо-западном российском приграничье, которые были бы невозможны без созданных в пределах его социума во время пребывания под чужеземной властью уникальных картографических, кадастровых и всякого рода нарративных документов, не удаётся отвлечься от ещё одного мнения, высказанного в ходе той же неоднократно упоминавшейся дискуссии 2020 г., об основных маркерах, превращающих территорию фронта в государственную, а значит, неприкосновенную для соседних государств.

Список литературы:

1. *Баева Л.В.* Типология и проблемы изучения южнороссийского фронта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. 2014. № 2(22). С. 32–38.
2. *Басалаева И.А.* Критерии «фронта»: к постановке проблемы // Теория и практика общественного развития. 2012. № 2. С. 46–49.
3. *Басалаева И.П., Дубман Э.Л., Мильчев В.И.* и др. Как сегодня изучать фронты? Дискуссия по статье Д.В. Сеня // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2020. № 1(27). С. 81–105.
4. *Бостан К.А., Кузнецов А.М.* Идея «фронта»: выгодное приобретение или «опасный фантом»? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1(44). С. 73–84.
5. *Казакова О.Ю.* Фронт в интерпретации А. де Токвилем социокультурного развития США // США. Канада. Экономика – политика – культура: ежемесячный научный и общественно-политический журнал. 2010. № 1. С. 89–102.
6. *Каппелер А.* Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 37–64.
7. *Корчагин П.А., Мельничук А.Ф.* «Протогород»: а была ли проблема? // Вестник Пермского университета. Серия История. 2003. Вып. 4. С. 55–64.
8. *Крупенкин Е.Н.* Концепция фронта в современной отечественной литературе: эвристические возможности и пределы применения // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 1. С. 87–93.
9. *Пашков А.М.* Метаморфозы герба города Сортавала // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: материалы XXXVI Всероссийской научной конференции с международным участием (Москва, 4–5 апреля 2024 г.)*. М., 2024. С. 249–251.

10. Пашков А.М. Сортавала // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Москва], 2015. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/5666865. (5.11.2024).
11. Тёрнер Ф.Д. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. Москва: Весь мир, 2009. – 304 с.
12. Токвиль де А. Демократия в Америке / пер. с франц., предисл. Гарольда Дж. Ласки. Москва: Весь мир, 2000. – 560 с.
13. Шикова Е. История города Сортавала (Сердоболь) в Карелии // Блог о самостоятельных путешествиях [Электронный ресурс]. Электрон. дан. [Санкт-Петербург], 2021. URL: <https://trip-together.ru/sortavala-history/>. (5.11.2024).
14. Katajala K., Härkönen A. Urban Segregation in a Nordic Small Town in the Late-Seventeenth Century: Residential Patterns in Sortavala at the Eastern Borderland of the Swedish Realm [= Городская сегрегация в скандинавском малом городе в конце XVII века: особенности расселения в Сортавале на восточной границе Шведского королевства] // Journal of Urban History. 2021 (August). P. 1–19.
15. Sen' D.V. Frontier research in present-day Russia: shaky boundaries of the academic dialogue [=Фронтирные исследования в современной России: зыбкие границы академического диалога] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2020. № 1(27). С. 87–93.

Об авторе:

ЧЕРНЯКОВА Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра зарубежной истории, ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» (Россия, 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33), e-mail: IrinTchern@yandex.ru SPIN-код 7310-7891, Author ID 27977.

Small Town in the North-west Russian Borderland: History of Study in the Context of Frontier Theory

I.A. Chernyakova

Petrozavodsk State University, Russian Federation, *Petrozavodsk, Russia*

The article is devoted to the analysis of an actual historiographical episode in the study of one of the small towns of the north-western Russian borderland - Sortavala - a scientific article by Finnish researchers Kimmo Katajala and Antti Härkönen, devoted to the study of urban society during the period when the territory of western Karelia was under the Swedish crown. The article is of particular interest in the context of the frontier theory actively discussed in modern Russian historiography. It is not only the innovative discovery of social segregation in the urban society of the late 17th century in this interdisciplinary study that attracts attention, but most of all the fact that Sortavala, being 'a tiny town on the periphery' in the Karelian Ladoga

region, is defined as 'a very typical early modern town in 17th century Sweden'.

Keywords: *Karelia, Sweden, North-Western Russian borderland, small town, frontier studies, discussion problems of modern historiography.*

About the author:

CHERNYAKOVA Irina Alexandrovna – Candidate of History, Associate Professor, the Department of Foreign History, Petrozavodsk State University (Russia, 185910, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Lenin Ave., 33), e-mail: IrinTchern@yandex.ru SPIN-code 7310-7891, Author ID 27977

References:

- Baeva L.V., *Tipologiya i problemy izucheniya yuzhnorossiiskogo frontira*, Vestnik VolgogradGU, Seriya 7: «Filosofiya», 2014, № 2(22), S. 32–38.
- Basalaeva I.A. Kriterii «frontira»: k postanovke problemy, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2012, № 2, S. 46–49.
- Basalaeva I.A., Dubman E.L., Mil'chev V.I., etc., *Kak segodnya izuchat' frontiry? Diskussiya po stat'e D. V. Senya*, Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 2020, № 1(27), S. 81–105.
- Bostan O.Yu., Kuznetsov A.M., Ideya «frontira»: vygodnoe priobrenenie ili «opasnyi fantom»? *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya*, 2018, № 1(44), S. 73–84.
- Kazakova O.Yu., *Frontir v interpretacii A. de Tokvilem sociokul'turnogo razvitiya SShA, SShA. Kanada. Ekonomika – politika – kul'tura: ezheemesyachnyi nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal*, 2010, № 1, S. 89–102.
- Kappeler A., *Yuzhnyi i vostachnyi frontir Rossii v XVI–XVIII vekah*, Ab Imperio, 2003, № 1, S. 37–64.
- Korchagin P.A., Mel'nichuk A.F., «Protogorod»: a byla li problema?, Vestnik PermGU, Seriya «Istoriya», 2003, № 4, S. 55–64.
- Krupenkin E.N., *Koncepciya frontira v sovremennoi otechestvennoi literature: evristicheskie vozmozhnosti i predely primeneniya*, Vestnik BraynskGU, 2018, № 1, S. 87–93.
- Pashkov A.M., *Metamorphozy gerba goroda Sortavala*, Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny v sovremennom nauchnom znanii: materialy XXXVI Vserossiiskoi nauchnoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 4–5 aprelya 2024 g.), Moskva, 2024, S. 249–251.
- Pashkov A.M. *Sortavala*, Bol'shaya rossiiskaya enciklopediya, URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/5666865. (5.11.2024).
- Tyerner F.D., *Frontir v amerikanskoj istorii*, Moskva: Ves' mir, 2009, – 304 s.
- Tokvil' de A. *Demokratiya v Amerike*, Moskva: Ves' mir, 2000. – 560 s.
- Shikova E. *Istoriya goroda Sortavala (Serdobol') v Karelii*, URL: <https://trip-together.ru/sortavala-history/>. (5.11.2024).

Статья поступила в редакцию 27.10.2024 г.

Подписана в печать 12.12.2024 г.